

В. П. Пустовит
ИСКУССТВО – ПРОЗРЕНИЕ

(к 70-летию со дня рождения русского поэта В. Науменкова (1937–1995))

1. Гражданская лирика

Становление Владимира Науменкова как творческой личности совпало с XX съездом КПСС, где рассматривался сенсационный по тем временам вопрос «О преодолении культа личности И. В. Сталина и его последствий». Это событие, на мой взгляд, определило главные мотивы гражданской лирики В. Науменкова, которым он оставался верен до конца жизни.

Временной диапазон таких произведений обозначил сам Поэт – «От Грозного до Горбачёва». Не ошибёмся, если скажем: к началу 60-х гг. Науменков уже сформировался как поэт-патриот, поэт

социальной справедливости. Недаром он часто спрашивал молодых литераторов (особенно незадолго до кончины), за униженных и оскорблённых они или нет. И говорил, не дождавшись вразумительного ответа: «Какой же ты поэт, если не видишь слёз народных!».

Когда мы с ним познакомились — а это было в 1964 г., поэт почти полностью отдавал себя теме защиты Отечества от деспотизма (главного внутреннего врага, как тогда казалось), иных форм подавления человеческой личности.

Он одновременно писал о произволе и насилии как способе управления государством при Иоанне IV и Иосифе Сталине, не скрывая исторических параллелей.

Я теперь темниц страшусь.
Кровь — она,
как варево.
Изошла вся кровью Русь —
не с кем разговаривать.
Тот убит, а тот распят.
Тени их во мне не спят.
Мне велят,
Мне велят
резать даже боярят.
А они меня хулят: «А холуй-то лютый...»
Под ножами хулят...

(Слёзы у Малюты)

Это из монолога экзекутора Малюты Скуратова в незавершённой драме «Иван Грозный». А вот строки, посвященные другой исторической эпохе:

Змею подложили Петру
Живая и медная — рядом,
под взглядом копыт и под взглядом
монаршьим. Ужель по нутру?!!
Доволен ли был Фальконе
затеей своею коварной?
Скользнула с ботфорт на коне
и ...выползла Анной Кровавой.

Владимира Науменкова очень привлекало декабристское движение. Ему он посвятил ряд поэтических произведений. Естественно, апологетических, поскольку поэту (как, впрочем, и всякому другому, интересующемуся данной темой, исключая монополизировавших её, «избранных от науки» — академика Нечкину и её учеников) в советские годы была доступна литература лишь такого толка. Наиболее яркие стихи поэта о декабристах — «Последняя дума Кондратия Рылеева» и «Если б Пестелей было пять...», где доминирует неприятие идеи монархии в принципе.

Жила Россия, выла и плясала,
вбивала кольца, петли сотрясала,
и на помосте разбивалась в дым.
И вновь вставала и витала в снах,
сынов своих соединя в звенья,
пока её казарменный монарх
не сосчитал последние ступени.

Владимир Науменков — сын своего времени — зачастую рассматривал Октябрьскую революцию сквозь романтическую призму, но и у него нет-нет, да прорывались диссонансом «крамольные» строки:

Я — отпрыск красных басмачей,
зачаток траурных речей,
патологических смещений,
изрытых оспой учений
о счастье черни.

Или (в обращении к Р. Рождественскому, входящему в четвёрку «властителей дум» молодёжи 60-х гг.):

Он, воздвигаясь над народом русским,
Итожит Время, рифмами могуч.
А сколько стоит эта Революция,
ты знаешь, погубитель наших душ?
Из всех цветов он красный цвет лелеет.
Его певец, подкрашенный поклонник.
Он за него заслуженно болеет...

.....
Союз писателей усядется заслуженно
и по заслугам даст путёвку в свет.
Пропал мужик, мудреющий за плутом,
и появился красный Моссовет.

Всё это написано в середине XX в., а напечатано только в конце 80-х и в 90-е гг. Стихотворение «Завещание», как и предыдущее, расшифровано с магнитофонной плёнки спустя год после кончины поэта. В «Завещании» (заголовок дан мною при составлении посмертной книги В. Науменкова «Век отступлений», готовящейся к изданию в Большой серии «Новой книги») также затрагивается советская символика, причём в более резкой форме.

Зачем мне крест — распятие моё?
Звезда налита кровью — обойдусь.
Пушай моя поруганная Русь
поруганные годы отпоёт.
Я не хочу лежать среди могил,
где красные венки и красный траур,
на красных лентах высыхают травы
и падают на красные круги.
Краснеют обелиски у канав,
по ним стекают красные росинки,
и всходят звёзды красными слезинками —
ведь красный цвет торжественно карал.
Он истребил почти что пол-России.

Эти стихи созданы не позднее 1970 г., видимо, уже после исключения поэта из КПСС (вступил в КПСС в год XX съезда) и увольнения из ВМФ. Что же вменялось в вину офицеру, служившему в газете камчатских подводников «Залп»? «Элементы безыдейности в поэтическом творчестве и искажение советской действительности в отдельных стихах». Например, в поэме «Мавзолей Ленина», которую он безбоязненно читал на публике.

Спустя без малого тридцать лет на упрёки в «недопонимании» того, что «Россию бьют кнутом на площади», В. Науменков ответил стихами «Признание», где подтвердил своё неизменное отношение к власти имущим, упомянув также и Ленина...

Я на земле живу, а не в романе,
какой я был, такой и ныне есть.
Я о вожде писал поэму ране
и подтверждаю я об этом днесь:
«Ильич внизу, в темничном освещении,
гранит тот не разрушить, не взорвать.
В таком же вот подвальном помещении
живёт моя униженная мать...»

И далее:

Кого нам вождь народов предпослал,
кто нам нанёс неизлечиму рану, —
без двадцати четырёх — по усам
прошёл строкой я по тому тирану.

Поэт вновь вставляет в текст написанное им в середине 60-х.

Я, наконец, прозрел, хоть не состарился,
произошёл во мне прогресс ума,
я не хочу писать стихи о Сталине,
он сам оставил о себе тома.
Я знаю сам его дела и славу,
она во мне отвратностью жива,
и тем жива, что пришивали слову
то, что народу Сталин пришивал.
О нём потом происходили толки,
толкаясь у зализанных сапог,
и правду выставляя за порог,
за трон боролись сталинские волки.

В. Науменков мог бы вспомнить и другие свои произведения: об антихрущевском перевороте 1964 г. (*Остолбенел художник в мастерской, / Лежит плакат со словом недописанным. / Со стен сдирают прописные истины. / И, опасаясь шаровидной лысины, / Спускают книзу профиль прописной. / Руководит работами парторг – / Такой же тучный, как и тот, со звёздами...*), о преемнике Хрущёва – капитане огромного парохода, идущего ложным курсом (*«А капитана мохнучие брови...»*); пароход этот воры обокрали, поэты обпели, а он всё *«тищится в порт дотащиться»*, хотя ясно, что наверняка разобьётся о рифы. Дату написания этого стихотворения от краха СССР отделяет ровно четверть века.

К пророческим, безусловно, относятся и такие строки из поэмы «Мавзолей Ленина»: *«...успели их величества зажраться, / в постах окрепнуть, / в орденах ослепнуть. / Остался путь в гобсеки и в валютчики...»* Мы с вами – свидетели того, как партийная номенклатура в одночасье превратилась в банкиров и коммерсантов. Мало кто из поэтов современников Владимира Науменкова обладал таким даром предвиденья.

Драматична судьба рукописи «Век отступлений», в которой были собраны подобные протестные произведения поэта. Он не представлял, как человек в военно-морской форме может оказаться провокатором. Тем не менее, именно провокатор выпросил у В. Науменкова «на денёк» рукопись и отнёс её «по месту требования» – в особый отдел. Однако поэт сумел вернуть её. По его рассказу, он находился в кабинете то ли у главного особиста, то ли «начпо» (начальника политотдела), когда тот спешно отлучился, забыв запереть сейф, откуда выглядывал «Век отступлений». Так рукопись возвратилась к владельцу. Опальный поэт вывез её в Петропавловск с помощью завбиблиотекой матросского клуба пос. Лахтажного А. Г. Струтинской. Дальнейшая судьба «Века отступлений» неизвестна. Возможно, В. Науменков уничтожил рукопись на рубеже 80–90-х гг., а может быть, она до сих пор находится в доме, где он жил последние годы. Часть рукописи удалось восстановить благодаря давнему другу поэта – писателю из Донецка Николаю Ивановичу Зайцеву.

«Перестроечные» стихи у Науменкова большей частью ироничны, но всё равно и в них чувствуется гражданская позиция автора. Он по-прежнему – за униженных и оскорблённых, ничем не отделяя себя от них. Но пишет уже с поправкой на жизненный опыт «переломных лет», отчего не всё в Российской империи кажется плохим, как в молодые годы.

Не ведал я народа при царях.
Мне говорили: «Он-то жил в цепях,
и бунтовал...» Но меч-то он держал в руках
на врага... И это всё – в веках.

К тому времени Владимир Науменков уже создал поэму «Копьё и посох Пересвета» и большую часть поэмы «1812 год». По-видимому, был близок к пересмотру своих антимонархических взглядов. Иначе бы не написал в том же декабре 1993 г. об Александре Третьем:

Престолом правил царь-оплот,
подковы гнул и слышал ноты.
Сказал, что армия и флот –
единственные патриоты.

К Николаю Второму поэт по-прежнему относился отрицательно:

Сынок забыл отца оплот –
как прошлы истины жестоки –
игрок спесивый, на Востоке
сгубил и армию и флот.
Явился гений-эрудит, –
сошла на землю божья кара...

Это уже о Ленине... О наступлении новой эпохи.

Людей сравили. Всем краям
нашли и дно, нашли и крышку,
и содрогнулася земля –
как бы от Грозного отрыжка...

В 1989 г., спустя двадцать пять лет с момента создания, Владимир Науменков опубликовал стихотворение «Площадь революции». Его смысл: на станции московского метро с одноимённым названием стоят скульптуры, олицетворяющие народ: крестьянин, студент, тракторист, сталевар, жница, пограничник, шахтёр, футболист, и все они – в рабском наклонённом положении. Поэт видит в том символ не только времени сооружения метрополитена – 30-х гг.

И жизнь давно своим путём течёт.
Раздели нынче даже сталинят
и сказано почти что всё об экзекуциях.
Но ведь поныне согнуто стоят
те статуи под сводом революции.

Но вот к 90-м гг. начали, вроде бы, разгибаться. «Тёмный народ решил перестраиваться», – хмыкнул В. Науменков в кругу друзей. А на бумаге вскоре появилось: «шататься стали обруча народа», и он «вдруг разъялся сразу, в миг единый». И дальше всё о том же народе – с иронией и в то же время вполне серьёзно:

Он аморален, пьяница, бандит,
ему едино – брать или бросаться.
И что ещё над нами может статься? –
он свергнет всё! Себя не победит.
Он глубже пашет – снова – недород,
и – вновь – запой, как и во всяки веки...
Моральней кто?! Кто воспитал народ?!
Библейские вожди или генсеки?!

Такие вопросы поэт задавал себе и окружающим в 1992 г. Много изменилось с конца 60-х, когда Владимир Науменков, отвечая своему современнику Е. Евтушенко («Пушкинский перевал») и вместе с тем Пушкину («К вельможе»), воскликнул непримиримо-страстно, но это восклицание не утратило своей актуальности по сей день. *Прощенья нет, кому – дворцы и власть, / прощенья нет, кто на крови воздвигся, / и даже гения нечаянная страсть / прощать властям позор да убоится.*

Как характеризует поэт нашу страну в новейшее смутное время? В стихотворении 1993 г. он сравнивает её с берёзой, висящей над обрывом («Сопка Любви»).

Поэт, каждый большой поэт, хотя и пророк, но не учитель. Он, если и указывает на что-то очень значительное, чрезвычайное, даже судьбоносное, то этим лишь заставляет нас думать и решать самостоятельно. *Россия – первой мировой, / второй и всяких просто / покрыта муравой-травой, / присыпана коростой. / Старик Державин устыдит: / «где стол был яств, там гроб стоит...»*

Поэт-гражданин Владимир Иванович Науменков выразил своё время с наибольшей полнотой, в отличие от так называемых «шестидесятников»; к коим, кстати, он себя никогда не причислял («Да здравствует товарищ Петушенко с антипартийным красным гребешком!»). И это несмотря на превратности судьбы, которая мало когда была к нему милостлива. Но ни сетований, ни, тем более, жалоб на неё не найти в творчестве Поэта. Для него она не стоила ровно ничего в сравнении с судьбой России и русского народа.

2. Афористичность творчества поэта

Замечено, что многие крупные личности подчас изъясняются афоризмами или меткими сочными выражениями, весьма близкими к афоризмам. Особенно это относится к философам и писателям. И не только в их, так сказать, основной деятельности, но и в быту.

Владимир Науменков принадлежал к тем немногочисленным поэтам, которые постоянно живут поэзией – каждый день, каждый час. Вот главная причина того, что тяжело ему было на белом свете, где столько будничного, непозитического, а то и вовсе серого, мерзкого. Когда кто-то начинал рассуждать о чём-либо значительном, очень важном, снижая его до себя, Науменков обычно усмехался: «В мелком плане взято!» Когда узнавал о чём-то циничном, пошлом, хмурился: «Странно... И несколько чудовищно». Не любил людей «с физическим началом». Так он называл тех, кого природа наделила силой в ущерб уму. А назначение поэзии он видел в том, чтобы из зверя сделать человека.

В 2001 г. Н. И. Зайцев вместе с «крамольными» стихами друга прислал на Камчатку подаренные ему В. Науменковым фотографии. Одна из них относится к курсантской поре – поре учёбы в Ленинградском высшем военно-морском училище и на обороте надпись рукой поэта: «Вот образ мой – простой и русский, он так же прост, как жизнь моя». Да, это строки из стихотворения. К сожалению, мы не знаем, какого. Зато знаем другое – это, наверняка, обрывок программного творческого заявления, из которого следует, что Владимир Науменков уже тогда, в двадцать один год (дата надписи 9 марта 1959 г.), выбрал свой путь в поэзии, но, конечно же, не представлял, насколько он тернист.

Хотя поначалу ничего, вроде бы, не предвещало этих самых терний. Пока ракиты стояли, «словно тени отцовы», и вдовушки военных лет качали внуков, напевая им «песенки-соловухи». Пока главенствовала морская стихия со своими законами, и среди них был такой – «ветер, а волны немые», с подсказкой-выводом: «не подчинить простор – свои у него напевы». Поэт слушал музыку моря, наблюдал, как «пружинят гребни, / без клавиш рождая звуки, / а с ними играет в регби / ветер – игрок безрукий». И, устремив взор назад, видел «за далью лет» мужиков, своих курских прадедов. Они были смельчаками, а «смельчаков океан любил», что сквозь все невзгоды и испытания «корветы вели, побеждая тоску по любимым». Поэт делил суровые морские будни со своими товарищами – подводниками: «Придёт поход, уйдёт земля, чтоб ближе стать своею дальностью... Пускай в просторах нет берёз – мы сталью бьём поклоны морю». И вообще у Науменкова много стихов о море, о людях, кто не мыслит себя без него. Это про них сказано – «морская дружелюбная душа». Для которой «моря цветут, не по сезонам, нет...».

В середине 60-х Владимир Науменков написал поэму о Петропавловской обороне 1854 г. Но, поскольку она не вошла в его первую книжку «У этих каменных берёз», её мало кто знал. В 1981 г. было воссоздано областное литературное объединение. Объявили конкурс на его название. Лучшим признали – «Земля над океаном» (предложил я). Сюрпризом для многих участников, но самым большим для руководителя литобъединения явилось то, что именно такой заголовок имела науменковская поэма. Однако поменять название было поздно: года за полтора или даже два к нему привыкли, оно звучало, а главное – дышало настоящей поэзией. И сейчас, когда никакого литобъединения давно нет, афоризм поэта живёт, порою причудливо видоизменяясь – «Город над Авачинской бухтой». Старые журналисты помнят рыбацкую рубрику «Голубые покосы» в «Камчатском комсомольце» 60–70-х гг.

Край могучих ветров
с сизарями-туманами,
Край великих штормов
с голубыми покосами –
бесконечная, чистая
даль океанская...

Бытует мнение, что, если бы поэт не касался гражданских тем, его творческая биография сложилась благополучно. Но такая постановка вопроса из области фантастики, учитывая чисто человеческие черты характера Владимира Науменкова, имевшего к тому же с детства чёткие понятия о добре и зле. Вся деревенская послевоенная жизнь, безотцовщина, постоянные унижения и страшная нужда сделали его поэзию не столько сострадательной, сколько страдательной. Даже в облике поэта – в этой горечи, никогда не покидающей уголков рта – угадывалась постоянная боль, которую мы ощущаем во многих написанных им произведениях. «Я подотчётен... слезам униженной крестьянки», – признается он в стихотворении 60-х гг. И о тех, кто «выбился в люди» и являет собой удобный

инструмент для манипуляций в руках диктатора, поэт отзывается пренебрежительно – «пролетарская челядь – у кремлёвских колонн». Сам же диктатор Сталин-Джугашвили для Науменкова – «матёрый гунн в зачуханной фуражке».

Как-то в разговоре о творчестве я употребил выражение «счастливая боль». Науменков печально улыбнулся. Может, вспомнил свою строфу: *«И пух летит, волосы летят, / отхлопотав на молодой чупрыне; / стихи летят, когда летят – болят, / а отлетев, становятся чужими»*. Поэт в полной мере осознавал силу и значение Слова художника. «Слова, как Соловки на севере». Глубоко задумавшись о судьбе Сергея Есенина, Владимир Науменков напишет, как уходил он, точно «за подол, хватаясь за поляны». В «Вершине вольности» (1965) мы находим определение миссии отечественных поэтов, павших за справедливость: *«Вершина – там, где кровь их запеклась, / как совершенство самовыраженья»*. Это он – к модным в то время спорам о праве художника на самовыражение. А ведь «давно не соловьиная пора», потому как «идёт лесоповал». Однако «поют слепые, а глаза глядят / и не поймать их мудрости с полчным» (60-е, А. Вознесенскому). Казалось: ладно, близкую историю трогать опасно, так что же мешает «властителям дум народных» копнуть «археологический слой», скажем, XVI век, и копнуть глубоко? Слабо? *«Под рубахою расшитой, под исподнею, / На Руси крестов не носят палачи»* (1968, Песня гусяря). Или обратиться к Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Тут и без политики напрашивается сказать такое... Цензура? Ну и что!

Взрыва нет. А только тишина.
Страшная, когда она на взрыве.
На минуту замерла война,
упиваясь жертвами своими.
Будет взрыв. Россия призовет
Жукова-солдата и старуху.
Жуков станет маршалом её,
а старуха будет русским духом.
(70-е, «У Медыни»)

Известно, что детство накладывает отпечаток на всю жизнь. И хотя В. Науменков, говоря о себе и своих сверстниках, отмечал: *«Мы не запомнили отцов – / перед войной на свет явились, / и без отцов на жизнь крестились / бедой и гибельным свинцом...»*, тем не менее, подчёркивал: *«Мне от века батю завещана / в человека сладостная вера»*. Но с XX веком у поэта сложные отношения. Недаром злополучная рукопись «крамольных» стихов озаглавлена «Век отступлений», а в поэме «Обелиск Свободы» мы находим следующее обращение: *«Только помни, мой лагерный век, / что летят краснокрылые птицы / и бежит тот проигранный зек / с недоколотым обелиском»*.

Тема свободы. Кого ни возьми из больших поэтов, она так или иначе присутствует в их творчестве. Владимир Науменков прикоснулся к этой теме ещё в юности, но уже тогда понял, что это «сладкое слово» всё-таки горчит. *«Их свобода потом убивает / остриём закулисных атак»* – напишет он о декабристах, представив на миг, что они одержали верх. Другое произведение «Баллада об ушедшем олене» (1967). Забой. Снося все препятствия и заграждения, один из оленей вырывается на волю – побеждает страсть к жизни. *«Он уносил свободу на рогах – / уже своё знаменье роковое»*. Олень ушёл к себе в тундру. А «тундра – пламя снегов». В 1981 г. в Петропавловске выпускается подборка поэтических книжек молодых авторов. В. Науменкова среди них не было, однако редактор озаглавил её – «Пламя снегов».

Действительно, тундра, в смысле натуральной свободы, в конце 60-х гг. могла частично заменить поэту море. Но лишь частично. Владимир Науменков с грустью заметил: «Есть предел у простора...». А когда только-только перебрался с юга полуострова в Олюторский район и впервые выехал на природу с новыми приятелями – родился «Северный привал» с легко запоминающимися строками: *«Мы были приложением к земле / к её кривым и каменным берёзам»*. «Даруют нам очищенность моря, как люди жизнь утрюмым побережьям». Конечно, согласимся мы с поэтом, «природа северного края полна трагических утрат». Однако...

И земля, без садов, не оттаявши,
поднимает хребты над морями,
словно белое-белое таинство,
навсегда позабытое нами...
(1969, «Белые сады»)

Но мы, вырываясь из пург,
из петель, из пут окаянных,
выносим блаженный испуг,
как тундра снега к океану.
(1969, «Я снова иду к тебе,
тундра...» □)

С 1970 гг. до конца своих дней Владимир Науменков прожил в Петропавловске. Здесь вышли обе книги его стихов – «У этих каменных берёз» (1980) и «Птицы-зарницы» (1985). Большая часть произведений, включённых в названные книги, посвящена нашему краю. Стихотворение «Земля» туда не попало. Уж слишком оно противоречило сложившемуся мнению о красочном фотоальбоме «К вулканам Камчатки», который пользовался устойчивым покупательским спросом. Но «Камчатский комсомолец» опубликовал эти стихи, написанные после памятного землетрясения 1971 г. «...Качались сопки, словно корабли, / и нас почти что не держали ноги – / не нам её румянить и белить, / горбатую от потрясений многих. / Я не люблю Камчатку Гиппенрейтера! – / вулканы лживы в секторе страниц...»

У Владимира Науменкова, кроме одной-единой большой Родины («И Родина затворница – Кремля святая пленница»), было две малых. Он как бы раздваивался между Камчаткой и землёй предков; его даже кто-то прозвал курским соловьём. «И не было лесов... Что море? – боль / а тундра что? – безмолвная страна... / Вдали лесов пустынность их страшна, когда над ними купол голубой □ «...И вся земля – плывущая скала, / далековато в море заплыва □ «В моём краю дубрава – мать лесов □ «Лежал закат на постаменте скал □ «А я забыл, как яблони цветут □ «И не убавить красоты – / меня сурово здесь встречали / родные белые хребты, / как облик вековой печали □ «Там я слышал песни о Руси / от старушек с древними чертами □ «...в другой красе, в другом уборе – / вставала синяя волна, кипело штормовое море □ «И дух отеческих могил / так терпок был и непокорен □

Жизненную остойчивость поэту давала история народа, которая, может, в самом деле близится к завершению, но не завершится окончательно, пока на планете есть хотя бы один русский. Такой разбег она взяла в веках, такую мощную энергетику накопила. «...И прошлым лицо озарится! / И голос на время замрёт! / И белая-белая птица / на руки зарницей падёт □ С 80-х гг., особенно после создания классической национальной поэмы «Копьё и посох Пересвета» («Устала ты вся от набегов, – / Ужели на свете на белом / одна ты такая, земля?!»), Владимир Науменков начинает менять отношение к Православию – духовной основе нашего народа. «У подножья – малая церквушка / башенкой склоняется к листве / Молится свой век, как мать-старушка, / за служивых, преданных земле □

Владимир Иванович Науменков был уверен, что «история народа принадлежит поэту». Поэтому его взор так смело проникал в толщу веков, поэтому не боялся взвешивать на весах своих понятий и убеждений современность. Она в последние годы жизни сильно раздражала поэта, особенно когда с людьми, которых знал вроде бы хорошо, происходила настоящая метаморфоза – в убеждениях, поступках... Порой под настроение он делился предчувствием – homo sapiens ещё не проявил все свои отрицательные позы.

Однако разочарования и сомнения В. Науменкова не затронули (да и не могли затронуть) главного, чему он посвятил себя с юношеских лет. Он по-прежнему считал, что «Поэзия – жизнь в слове» и был глубоко убеждён, что «Искусство – это прозрение. Человек прозревший – уже Художник».